

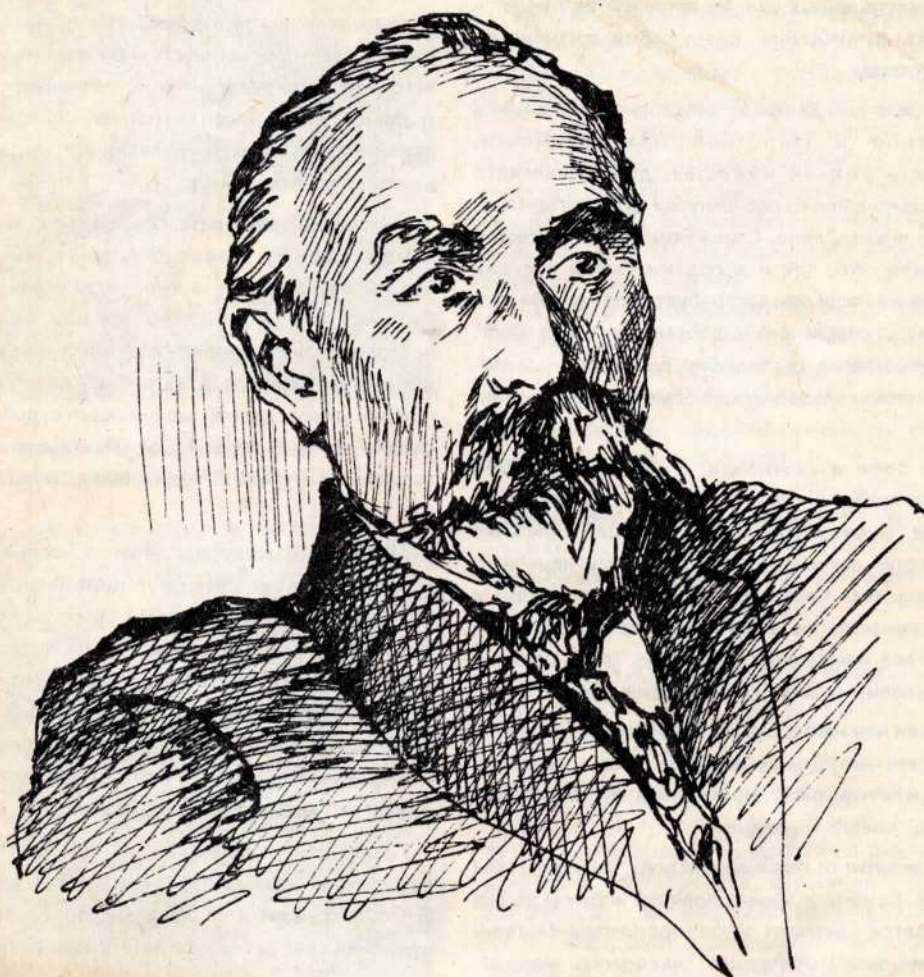
РОДНИКИ ЛИПЕЦКИЕ

ЛИПЕЦКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СЛОВЕСНОСТИ И КУЛЬТУРЫ
"ЕДИНЕНИЕ"

ЛИПЕЦКИЙ ИНСТИТУТ УСОВЕР-
ШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ
ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФОНДА КУЛЬТУРЫ

ГУДАЛОВКА

К 135- летию со дня рождения

ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ПЛЕХАНОВА

Г. В. Плеханов в Каменном лого во время каникул.
Художник Н. И. Данышин

ИЗБАВЛЕНИЕ

эссе

О великом поэте, родословная которого — Липецкая Земля, знают все, как об удачливом. А если пристальнее присмотреться, то безоблачной его жизнь не назовешь. В шесть лет, вырвавшись из каменной Москвы, где был сонливым и неподвижным, на природе в усадьбе бабушки Марии Алексеевны в Захарово, он становится резвым и шаловливым. Но не успел надыхаться воздухом сельской свободы, как умирает младший брат Николенька. Саша, восьмилетний, участвует в его похоронах в Вяземах... Первая большая печаль...

В Лицее к нему приклеилась кличка "обезьяна". Это теперь мы воспринимаем как милую шутку, а юному поэту, наверное, сие было не безразлично. Пуцено прозвище дородными, "благородными" сынками в связи с тем, что мать его мулатка. Кому как не Пушкину знать значение этого слова. Кличка, прямо скажем, небезобидная.

Невдомек иному нашему современнику, что поэзия Пушкина имела как горячих сторонников, так и бешеных недругов. В числе первых были друзья, а среди недругов — влиятельные сановники. Они кричали на все лады о "совершенном падении пушкинского таланта".

А опала и ссылка — это что же, благо?!.. Известно, его пытались упрятать в Сибирь или на Соловки, откуда никто живым не возвращался...

Вслед за событиями на Сенатской площади травля приобрела оголтелые формы, привела к трагической гибели нашей национальной гордости. И после, смерти десятилетиями главенствовало утверждение, мол, "Пушкин — бытоописатель дворянства", далек от народа...

"Потерпев судеб удары, окрепла Русь", — писал поэт будто о себе. Первый, кто принес избавление от наветов, был Георгий Валентинович Плеханов, липчанин, выступивший с многочисленными статьями по литературе и

эстетике. Он нанес уничтожающий удар по недругам поэта — прошлым и нынешним, доказав, что Пушкин первый почувствовал, что литература — национальное дело. Он, Пушкин, был человеком величайшей духовной отваги...

Плеханов детские и юношеские годы провел в Липецке. До рождения Георгия, его отец Валентин Петрович остался с семью детьми после смерти жены. В доме липецкого промышленника Кожина он, государственный служащий земства, встретил двадцатидвухлетнюю гувернантку, сделал ей предложение и получил отказ. Тогда сорокапятилетний вдовец попросил ее никому не говорить о своем сватовстве. Она обещала, поделилась лишь со своей хозяйкой, а та потом подшутила над Валентином Петровичем. Смущенный жених при встрече упрекнул девицу в неверности обещанию. Гувернантка, выпускница Тамбовского института благородных девиц, благородно согласилась стать его женою.

Рождение их первенца совпало с празднованием Дня Георгиевских кавалеров, и отец — георгиевский кавалер — радостно принял предложение жены назвать сына Георгием.

Георгий Валентинович унаследовал от отца усидчивость, трудолюбие и твердость, от матери — нежность, человечность и деликатность. Имея непосредственную сопричастность к труду русского крестьянства, выросший в деревне и общавшийся с крестьянскими детьми-сверстниками, впитал любовь ко всему хорошему русскому, и русская национальная идея с детства захлебнулась в нем.

С родом Плехановых связаны многие имена знатных людей России.

Решительный, стойкий характер Георгия определился рано. Еще ребенком, не зная вкуса горчицы, попросил ее, и отец дал ему ложечку горчицы. Он ожегся, покраснел, но проглотил, не показав вида, что попал

впросак. "Хочешь еще?" — спросил отец. "Хочу", — ответил он. Отец протянул вторую ложечку горчицы. Вмешалась мать, и тяжкое испытание прекратилось; в доме Гудаловского имения случилось возгорание на чердаке у трубы. Пожар первым увидел священник, быстро подобрался к пламени, крикнув: "Воды! Все потушу одним ведром!" Юноша Георгий, страдающий грудной жабой, бросился с ведром воды на чердак, но мать преградила путь, обхватила его, заявив: "Дом старый, твоё здоровье мне дороже..." Вместе с домом сгорела богатая библиотека Плехановых. После этого Георгий брал книги из библиотеки на Минеральных водах Липецка, самого древнего курорта России.

Книга была для него главным смыслом жизни. Он с раннего детства приохотился к чтению, пользуясь библиотекой отца. Особенно увлекали страницы о делах верных сынов Отечества. Был благодарен Петру Великому, что он позаботился о сохранении летописных манускриптов.

Государственные поступки Петра Великого на Липецкой земле были предметом гордости юноши.

Он, Петр, превратил Россию в одну из ведущих в мире стран. Доля Липецких металлургических заводов в этом была немалая, наряду с новыми промышленными центрами — Екатеринбургом, Нижним Тагилем, Петрозаводском.

Трудно назвать область, которая благодаря его лично-му участию, не была бы преобразована. В самом учреждении Берг-коллегии был заложен коллегиальный принцип управления, чтоб покончить с произволом и коррупцией в практике и оживить, мобилизовать инициативу снизу, побудить сословия к активным действиям в интересах государства. При нем основная часть квалифицированных рабочих, в частности на Липецких заводах, была вольнонаемной. Даже на частных предприятиях преобладала свободная рабочая сила. Хотя это обходилось дороже. Типичной капиталистической чертой на заводах в Липецке было широкое распространение раздельного труда и соответствующая ему дифференцированная система заработной платы.

Следы петровской деятельности заметны и в культуре, и в образовании: при нем создана система всеобщего образования, а культура тесно связана со всем лучшим, что было в народных традициях...

Так появляется у Георгия тяга к экономическим наукам, тяга к преобразованию жизни людей, государства. Он рано потянулся к социальным знаниям. Когда отец привез первые тома "Словаря живого великорусского языка", пытливо знакомится с толкованием слов. Некоторые из них особенно заораживают. Например: "Социализм — учение, основывающее гражданский и семейный быт на товариществе или артельном учреждении; крайний социализм впадает в коммунизм, который требует упразднения всякой частной собственности..." И, размышляя, содрогнулся от недетской мысли: а коммунизм, с его крайней жесткостью к одиночному труду и нетерпимостью ко всякой частной собственности... — не есть ли крематорий, в котором сжигается творчество индивида и масс...

Липецк... Здесь он стоял ребенком у заводской канцелярии Петра Великого, катался на лодке по Петровскому пруду, знал место, где был домик Петра, и постигал смысл слов на трехгранном чугунном памятнике: "Незабвенному везде и во всем Великому Отцу Отечества Императору Петру Первому, основателю нашего города, указавшему в нем новые целебные источники и новые средства богатства народного. Сооружен усердием купца Павла Небученова в 1839 году. Отлит в г. Тамбове на чугунном заводе Иваном Федоровым." На памятнике барельефы: символическая кузница бога огня, покровителя кузнечного ремесла Вулкана или хромоногого Гефеста — это и видно на крайней слева фигуре кузнеца, левая нога заметно короче. Согласно древним мифам и Вулкан, по древнеримской мифологии, и Гефест — по древнегреческой — были хромыми от рождения. Этот барельеф символизирует развитие еще с древних времен в Липецке металлургии, кузнечного ремесла. На другом барельефе изображена древнеримская богиня здоровья — Гигиена, держащая сосуд, из которого выливается струя воды, символизирующая открытие Петром Великим целебных источников липецкой минеральной воды. Здесь же изображена и "отменно высокая липа", стоявшая во времена Петра на Городище.

У памятника чугунные чалы соединены цепью. Они символизируют флотоводческую деятельность Петра на Воронеж-реке.

"Отменно высокая липа..." Она и на гербе Липецка. В золотом поле липа, а над ней вьются три пчелы — символ богатства и красоты города и края...

Тропы Петра в России повсюду. Он возродил и возвеличил мой Липецк.

Еще с XVII века начался новый период русской истории: рост товарного обращения, концентрация мелких местных рынков в один всероссийский рынок; образование буржуазных национальных связей. Развитие производительных сил и производственных отношений,

развитие мануфактуры, ремесел и торговли, рост общественного разделения труда и социального состава населения стали возможны в самом начале XVIII века. И Липецку, с его общественными функциями, судьбою завещано было играть одну из первых ролей. Черты Липецкого промышленного комплекса свидетельствуют о проникновении элементов капитализма в недра феодального хозяйства, о зарождении новых капиталистических отношений, которые подрывали условия существования феодального производства. Любопытна организация труда: 17 специализированных мастерских характеризуют Липецкие заводы как централизованную ограниченную мануфактуру со свойственным ей расчленением процесса производства на особые фазы.

Пушки Липецких заводов направлялись в Петербург, Москву, "на корабли в галерную эскадру к городу Архангельску, на остров Котлин и к Дубенской пристани." Они, Липецкие заводы, способствовали победам русского оружия при Азове, Полтаве, Гангуте, способствовали становлению флота Российской империи, выходу к морям, укреплению государства.

А какой труженик Петр! Какое непритворное умение растрояться в массе, быть рядовым! Так же поступал и Дмитрий Донской на поле Куликовом. А это тоже близ Липецка. Когда все намечено, когда вера в людей, вера, что каждый выполнит свой долг патриота, никто не побежит с поля боя, с лесов стройки, — тогда со всеми, плечо к плечу. Это мобилизует людей на подвиг. В особо торжественных случаях, или когда требовалось вдохновение людей на труд, он обращался — "Товарищи!..."

Откуда это слово, сказать трудно. Но то, что оно славянского происхождения — на это указывает его смысл. А в оборот оно пущено, по-видимому, первыми русскими купцами: товар ищи. Так это или нет, но Петр любил это слово и широко пользовался им: товарищи...

— Смотрите, помните, — говорил юный Плеханов друзьям в

Липецке, — на этих берегах вещественные следы удивительного человека, они будят в наших душах гордые воспоминания об Отчизне, о дедах. Мы идем путями, продолженными ими. Как не любить землю отцов и дедов, как не гордиться своими предками и героическим прошлым родного края!...

До нашествия моголов диким и беспокойным народом являлись половцы. Южная часть Рязанской Украины была охвачена ими с трех сторон. Русские города и поселения на берегах Дона и Воронежа мешали варварским ордам раскидывать свои кочевья внутри угла, который образуют эти две реки. Борьба рязанцев с половцами шла непрерывно до самого появления татар. А они появились именно здесь, на южной границе Великого Рязанского княжества, на Воронеж-реке. Южной границей в 1237 был Липецк, на Залозном (Железном) шляхе. Сюда и послал Юрий Рязанский своего сына Федора Юрьевича с наказом: "знать намерение Батыево... Одари, побудь, удержи подоле, а мы немедля, ноне ж к братьям и родичам верных послов... Встренем гостя незваного..."

Знал ли князь, что посылает сына единородного в пасть дракону, приползшему с дальнего Востока? Знал...

Федор, блудя наказ отца, жил в стане врага, вел дипломатию, пока Батый не предъявил наглые требования...

"Когда из нас никого в живых не останется, тогда все возьмете..." — с улыбкой, но твердо ответил молодой князь.

Сказано-то не всенародно, не у себя дома, а в лицо ворога, пришельца, домогателя, в его стане... И восточный спесивец казнил дерзкого...

Задолго до появления Батыева на южной границе Рязанской Украины, как сказано в Лаврентьевской и Никоновской летописях, здесь, на Воронеж-реке, после битвы на Колоше Ярослав Ростиславович искал убежище у здешних жителей, переходя из города в город... Сей исторический факт свидетельствует, что были тут поселения и, конечно, укрепленные города, хотя историографы, составители карт XI-XII веков, не отметили кружочками города, и сей выступ Рязанского княжества в междуречье Дона и Воронежа изображен голым, тогда как постоянные разбойничьи набеги заставляли князей Рязанских заботиться, чтоб пришельцы не ходили в их земли беспрепятственно...

"... берега Воронежа были заселены", — утверждает в "Истории Рязанского княжества" Дмитрий Иловайский. Тот же Ярополк Ростиславович до битвы на Колоше, в 1116 году "ходил к Дону на Половецкую землю, взял три города половецкие — Галин, Чешен и Сугров." Чешев-Тешев — это Задонск. Дон, как и Воронеж-река на территории этого самого выступа, но и он, Чешев-Тешев-Задонск, не обозначен историографами на картах.

Вот эта самая историография и не дает покоя противникам древности. Нет Липецка на карте, стало быть, его не было...

Историки наиболее доверяют Лаврентьевской летописи. А летописец оной, не претендуя на полноту летописных рассказов, добросовестно поведал в послесловии: "Отцы и братья! Еще описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправляйте Бога дая, а не кланите."

Сей завет стоило бы держать перед глазами всем ниспровергателям древности.

Здесь свершил подвиг Федор, на липецкой земле! Да, это был подвиг! Благодарные потомки, уверен, увековечат имя его на моей дозорной, а не на позорной земле...

Когда Батый разорил Рязанское княжество, вернулся из Чернигова Ингварь Ингваревич, послал людей на место гибели Федора Юрьевича, чтоб привез его останки в удел покойного ко храму Николая Корсунского. А потом вся деятельность Ингваря Ингваревича до конца его княжения исключительно направлена была на возобновление городов и внутреннего устройства Рязанского княжества. Возобновление!..

Верю, будет стоять на почетном месте — на Липецком Городище изваянный сын России князь Федор Юрьевич — первая жертва нашествия монголо-татарских орд на Русь. Тут пролегла черта бесчестия и чести, черта бед народных и черта возвышения духа Российского...

Недавно побывал на Липецком и Воргольском городищах Константин Федорович Калайдович, отметив, что "старые Городища — это не святилища древних славян-язычников, а стратегические ограждения городов, селений и крепостей"...

Плеханов только что приехал из Воронежа и поспешил в свою любимую беседку, успев скинуть мундир военного гимназиста. Поодаль стоял "дуб Петра Великого" — часовой веков, как называл дуб генеральный Лермонтов, отец которого несколько раз лечился на Липецком курорте. "Дуб Петра Великого" тоже представлял "беседку", внутри стоял стол и скамьи. Сам Петр когда-то восхищался им, как и zelo отменной липой на вершине Городища. Сегодня Валентинович в беседке, где малолетнему, знакомился с рефератом Ивана Ивановича Дубасова, в котором много сказано и о Липецке. Порадовался выводу: "Вот почему в XII веке в нашей земле были русские города Кадом и Липецк, в которых жили или княжеские Рязанские или Черниговские наместники, или же, временно, и сами князья."

Дубасов, — отметил Плеханов, — выступает иногда в своем реферате как заправский беллетрист: "... над этими лесами не умолкая носился таинственный шум лесных ветров и под этот снотворный шум беспредубно спали и дремали местные культурные силы, которая мог пробудить, и то отчасти только, Император Петр Великий..."

Беседка... Смотровая площадка Верхнего парка, расположенная на улице Дворянской, на месте поистине уникальном: здесь обрывается Среднерусская возвышенность. На обрывах видны выходы материковой породы. В породе вкраплены на поверхность глыбы бурого железа. Месторождения железняка, встречающиеся повсюду в окрестностях Липецка, положили начало развитию металлургии с незапамятных времен. Нагорная дубрава здесь оформилась на высоком солнечном месте десять-двадцать тысяч лет назад. Уступ оказался изолированным от губительных действий ледников. Восточная ориентация его склонов, близость подземных вод, выносящих питательные вещества, способствовали восстановлению дубравы, расселению дубов по территории края. Рельеф местности и ландшафт, составляющие памятники природы, сбережь бы! Ниже мощные подземные потоки — "Монастырские ключи". Сохранилась лишь Успенская церковь. Когда-нибудь чистая ключевая вода выйдет по трубам в дома липчан. А пока она стекает в Петровский пруд. К нему со стороны Нижнего парка то и дело подвезают конские повозки с бочками. Так берут воду жители...

Восхищенный своим краем и своим Липецком, Плеханов надолго задумался в "Беседке" о минувшем и будущем. Эх, спросить бы вот этот самый дуб Петра Великого! О чем бы он поведал?... Сохранились, к счастью, повести временных лет...

Незабываемы страницы летописей, где рассказывается о князьях Святославе Липецком и Олеге Воргольском. Они, эти страницы, читаются как произведения искусства, приближаясь по своей значимости к "Слову о полке Игореве." Вот они — мой Липецк, а там, близ Ельца, мой Воргол. Нет никакого оправдания некоторым историкам, втормающимся в историко-поэтическую ткань летописей, мрачно изрекая, что летописные Липецк и Воргол следует искать в районе Курска и Рыльска. Там же было Дикое поле! Их не надо искать. Они есть. Не могу вспомнить, чье это изречение: цивилизацию на земле создало искусство, а уничтожит ее наука. Что ж, товарищ наука, тогда ответь мне, где, если не здесь, княжеские русские города — Липецк и Воргол? Найди и покажи мне их! Отвергать легче. Пора бы найти... Топография овеянно-го легендами Городища в центре Липецка, — классическое место для укрепления городка... Вот Муравьев-Карский в округе Задонска начал археологические розыски. Со временем в России станет наука — археология. Заглянем в культурные слои Земли и — многое прояснится... Ах, летописи! Какие это были добросовестные рассказы. И не претендовали их авторы, чтоб оставить потомкам свои имена. Чаще всего летописи называются по имени монастыря, где их нашли.

Здесь, на этой земле Липецкой, возникали и бунтарские вспышки.

Гавриил Акимович Кремнев из села Грязновки за восемь лет до Пугачева объявил себя "Петром III" и поднял восстание за избавление крестьян. Что ж, после смерти отца я без сомнения принес избавление крестьянам в своей Гудаловке.

А близ моего, теперь уже бывшего, Гудаловского имения, в Петровке так же поступил и Семенов-Тянь-Шанский, избавив крестьян от крепостной зависимости, задолго до царского манифеста 1861 года. Встретил как-то в его мемуарах такие строчки: "... Когда я приехал в свое имение в 1848 году, то нашел крестьян в полном благосостоянии: у большинства дворов стояли скирды старого хлеба, у некоторых за 2 и 3 года. Лошадей при обилии лугов было много, некоторые дворы имели от 6 до 20 лошадей. Безлошадных дворов, конечно, совсем не было, да и быть не могло. Деревенские избы были хорошо построены и все имели дымовые трубы..."

Из "Беседки", как на ладони, виден Курорт — первый российский курорт. А какие люди бывают тут! Я дышу единым воздухом с ними в аллеях Минеральных вод. Какое созвездие имен — литераторы, историки, люди искусства!.. Яви и предания о старом Городище, о Петре, о подвиге трудящихся липецких заводов, учредивших самоуправление — "Станичную избу"!.. Все это зовет к сподвижничеству, к освобождению труда...

А липецкая родословная Лермонтова и Пушкина! — через них умнеет все, что может поумнеть...

Литературный критик советского периода, наш земляк Александр Константинович Воронский смело разоблачал демагогов от эстетики, тех, кто спекулировал взглядами Плеханова, не понимая всей глубины его творческих разработок. Он умело и вдохновенно применял метод Плеханова для анализа творческого процесса. Это требовало незаурядного гражданского мужества, поскольку в официальных кругах только и твердили: Плеханов — оппортунист, "боровшийся против дальнейшего развития марксизма." Воронский, как никто другой, видел колоссальную роль Плеханова в области литературной критики!

20-е годы — время нигилизма, когда провозглашалось: "во имя грядущего завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, распотчем искусства цветы..." Воронский в союзики берет суждения Плеханова. Он теоретическую полемику со своими оппонентами начал с реабилитации идей Плеханова. Живя в Липецке, исключенный из коммунистической партии, Воронский продолжал мужественно утверждать: Плеханов — лучший искусствовед, вновь демонстрируя верность объективной, принципиальной литературоведческой и эстетической позиции великого земляка.

Эстетика — учение об изящном, о прекрасном, об искусстве. Без любви к природе, без уважения к национальному и многовековому укладу, без знания народной культуры — эстетика мертва. У Георгия Валентиновича Плеханова для формирования эстетических воззрений были глубокие корни. В Гудаловке ребенком он дружил с крестьянскими детьми, знал крестьянский труд и духовный мир сельского человека. И Липецк способствовал этому: всюду сады, парки — Нижний и Верхний, липовые рощи и дубовые боры на Гульбищенской и Железной горе. Особо его тянуло в лог с его многообразием растительности и родниками. Текла тут бурная Липовка, омывая с трех сторон неприступную крепость — Городище...

Жена и друг Плеханова Розалия Марковна в 1927 году впервые побывала в Липецке. Здесь она открыла для себя безусловное влияние природы родных мест на эстетические вкусы Плеханова, развивавшиеся еще в детстве и отрочестве: "Когда я познакомилась с зеленым городком Липецком, действительно утопающем в зелени, с чудным его местоположением на холмах, с которых открывается незабвенный вид на долину реки Воронежа, с его сияющими прудами, озерами, сочными лугами и густыми хвойными лесами, — сказала себе: мне понятна теперь любовь Георгия Валентиновича ко всему прекрасному, к природе, животным, скульптуре, поэзии. Здесь, в Липецке, развилась эта поэтическая сторона природы..."

В конце еще раз хочется обратить внимание на фразу в кавычках, подчеркнутую мною — "боровшийся против дальнейшего развития марксизма". После Октября такое широко культивировалось в советской литературе. Его обзывали "противником Великой Октябрьской социалистической революции". В двухтомнике Г. В. Плеханова "Год на Родине", изданном в Париже после смерти нашего земляка, показано, что он действительно до последних дней не смирился с большевистской кровавой вакханалией.

Пока еще малодоступны для читателей многие труды "оппортуниста Плеханова", но то, что мы узнали в годы гласности, вызывает сочувствие и уважение.

Сергей Панюшкин
Липецк.